

Самира Лайт

Майна разбитого
Мой лукиный
рыцарь

Лайт Самира

**Тайна разбитого.
Мой лунный рыцарь**

«Автор»

2026

Самира Л.

Тайна разбитого. Мой лунный рыцарь / Л. Самира — «Автор»,
2026

Дэвид Золотов — все знают его как высокомерного короля школы, сына богатых бизнесменов, кумира миллионов девушек, но того чье сердце всегда принадлежало одной — Лали, дочери партнера по бизнесу. Так считали все, однако это не любовь, а сделка. Его жизнь меняется с момента, как в класс приходит новенькая — Рамина, мусульманка, твердо придерживающаяся религии, та кто сумел разглядеть его настоящее нутро. Ее не волнует обложка и это цепляет. Дэвид, который давно утратил веру в Бога, начинает сомневаться в своих убеждениях. Через месяц состоится свадьба с Лали, отказ от которой означает банкротство, ведь она знает секрет "успеха" Золотовых. Чтобы быть с Раминой ему придется отказаться от всего: статус, богатство, популярность, семья, а также принять ее веру. Что выберет Дэвид: корону, которую ему навязали, или любовь, которая может все разрушить? Один шаг к Рамине — и он потеряет все. Но сможет ли он жить, не сделав этот шаг?

Редактура автора

© Самира Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лайт Самира

Тайна разбитого. Мой лунный рыцарь

– Помнишь, когда мы встретились?

– Разве забуду я тот день, когда впервые увидел твои глаза? Это было при свете полной луны...

Пролог

Рамина Эдиева

Что тут происходит?

Приближаюсь к подъезду и замечаю, что собаки опять растаскали мусор. Я уже устала с ними бороться. Достаю из сумки одноразовые перчатки и начинаю собирать содержимое бака обратно. Запах гниющих отходов смешивался с ароматом цветущих лип. Мимо проходит женщина с ребенком. Судя по форме, они идут со школы. Она окидывает меня недоверчивым взглядом и останавливает взор на хиджабе, а затем недовольно бурчит:

– Вот видишь, сынок, будешь плохо учиться, станешь таким же, как эта тетя.

Я чуть не умерла со смеху. Вот что значит, решила сделать доброе дело. Никогда не понимала, почему работу уборщиц так не любят. Да, зарплата у них маленькая, но ведь эти люди делают мир чище. Хотелось сказать той даме, что я с отличием закончила десятый класс и успешно прошла все экзамены, но она уже ускользнула из поля видимости. Локтем вытираю переносицу, на которой мелкими капельками скопился пот и снимаю перчатки, закончив дело.

Собираюсь открыть дверь, но вновь замечаю под ногами кожаный дневник. Кто мог его здесь оставить? Третий день подряд он лежит, и никто не додумался убрать. На мгновение мне показалось, что он ждал именно меня, но я тут же отбросила эти мысли в сторону. Подняв, его я ощутила, что обложка теплая, словно живая кожа.

Страницы были пусты, пока я не задержала дыхание. Чернила побежали сами по себе, складываясь в строки.

Откроешь – не закроешь.

Возьмешь – не вернешь.

Захочешь – получишь.

Получишь – потеряешь.

Я жутко перепугалась, и хотела бросить его, но пальцы не разжимались. В тишине раздался шепот или это был стук моего сердца. Разобрать было сложно, но внутри все сжалось от страха. В тени за спиной мерцали два тусклых огонька, похожих на глаза.

Тогда я еще не подозревала, что нашла дневник, исполняющий желания, а плата за них, потеря чего-то ценного, будь то даже душа близкого человека...

Всю жизнь я мечтала переехать из своего родного городка – Лирска. Это, мягко говоря, дыра: нету нормальных больниц, школа одна, жителей мало, а экономика страдает. Городом мы называемся только потому, что у нас есть одна пятиэтажка, а так сплошное село. Вся молодежь хочет уехать отсюда, а вместе с ними и я. Я решила испытать найденный дневник, написала желание и вот...

Вчера маме предложили работу с проживанием в Санкт-Петербурге.

Моя мечта сбылась. В этот момент я жутко перепугалась и решила спрятать дневник от греха подальше. Сколько бы я не пыталась выкинуть его или даже сжечь, он снова и снова появлялся в моей комнате. Однажды я вовсе скинула его с пятого этажа квартиры в грязную лужу, а затем обнаружила его на подоконнике. Тогда я поняла, к чему были те слова в дневнике «*возьмешь – не вернешь*».

Сейчас я думаю о переезде. Множество эмоций переполняют меня. И радость, и волнение перед неизведанным, но больше всего во мне главенствует страх.

Я мусульманка, ношу хиджаб и все семнадцать лет своей жизнь я выслушивала упреки по этому поводу. В голове куча вопросов. Как отреагируют одноклассники, смогу ли я найти подругу? Как не перейти границы дозволенного и найти баланс между своей верой и современным обществом?

В детстве надо мной издевались одноклассники, и предводителем этой банды была она – Лали Крысалонова. От одного имени меня бросает в жар.

Как же она испортила мне жизнь!

Тот день до сих пор не выходит из головы. Палящее солнце жгло кожу. Мне исполнилось одиннадцать, после созревания я покрылась. Тогда я ощущала себя самым счастливым человеком на земле. Одев хиджаб, я почувствовала себя в безопасности, словно платок стал моим щитом от непрошенных взглядов. Тогда я была невинным ребенком, не знающим, каким жестоким может быть этот мир.

Я зашла в школу с уверенностью и сразу же стала искать своих подруг – Дину и Лиану. Мы дружили с садика, хотя правильнее будет сказать, *Я дружила*. Они друг друга не переносили, и я играла роль соединяющего звена. Лиана всегда была тихоней, у нее были плохие оценки, и я всячески старалась ей помочь, но она не горела желанием учиться. Внешность у нее была не приметной. Дина же была пышечкой. Училась она нормально, старалась получать хорошие оценки, внимательно слушала учительницу и вечно рисовала что-то в тетради.

А я? Оу, я была зажигалочкой! Еще до того как я покрылась и не понимала, что такое скромность, меня боялись даже пацаны.

Дина подошла тогда ко мне, на ней не было лица и вдруг она начала свою "душевную" речь:

– Ты только не обижайся... – ее голос затих, а взор пал на сзади стоявшую троицу класса – это было крайне подозрительно.

Кира и Ира дружили с Лали только из-за того, что она делала им подарки и тусоваться с ней было престижно, ведь это означало не попасть под ее козни. Кира и Ира были не разлей вода, а Лали стала их спонсором. Они лытели ей, делали то, что она хотела, сплетничали с ней и придумывали новые подставы для учеников. Первоклассников они вообще терпеть не могли, все время оскорбляли и бросали колкие взгляды, а мне с Лианой и Диной приходилось их защищать. Так одна троица нашего класса была темной, а другая светлой.

– Что случилось? – меня смущал хохот девочек сзади, будто они знали, что Дина собирается сказать.

– Знаешь... Твой хиджаб и религия, мне все это не нравится. Я больше не собираюсь дружить с тобой. Теперь я буду с троичей нашего класса. Можешь думать что угодно, хочешь, говори, что я перешла на темную сторону, но с тобой находится, я больше ни собираюсь.

Лали расхохоталась, ей нравилось делать мне больно. Я прослезилась. Дина была моим самым близким человеком, мы вместе росли, переживали дружно невзгоды, поддерживали друг друга. Я крайне сомневаюсь, что это связано с моей религией. Это не в ее духе.

Неужели деньги завлекли и Дину?

Сердце разрывалось от боли, Лиана пыталась успокоить меня, но по большей части я понимала, что она рада, что, наконец, осталась моей единственной подругой.

Лали все время задевала меня. Просто каждый день! Проходя мимо моей парты, она скидывала с нее пенал и тетради, ставила мне подножки и оскорбляла при всех. А я и не давала себя в обиду. Возмущалась и нервно жестикулировала.

В один из дней мне все это надоело, и я поняла, что без боя тут не обойтись. Во дворе моего небольшого домика висела груша. В тайне пока мама не видела я тренировалась на ней, представляя лицо этой гнусной Крысалоновой. Затем на следующий день все повторилось. Она вновь скинула все с моего стола, и это стало последней каплей моего терпения. Я резко подскочила, Лали не ожидала такого и вдруг замерла. Тогда ей в лицо прилетел смачный удар кулаком.

Оо, нужно было видеть ее! Она вся пыхла от злости и была красная как помидор. Одноклассники подлетели и стали разнимать нас. Лали пыталась выбраться, она махала кулаками в надежде, что попадет в меня, но все было напрасно. Я была горда собой, за то, что постояла за себя. У меня не было ни отца, ни брата, поэтому защищаться всегда приходилось самой.

На следующий день мы вышли во двор. Я чувствовала себя не очень: слабость, мутный взор, все потому что я не ела до обеда. Мама всегда давала мне деньги, но я не решалась ничего купить в столовке, так как жутко стеснялась. Согласна, звучит странно, я, которая только что не побоялась постоять за себя, стесняюсь купить себе булочку?

Да это я и ничего не могу с этим поделать.

И ела я только тогда, когда был обед. Как раз в тот день классная ушла в столовую, чтобы узнать все ли готово. Мы вот-вот должны были пойти есть. Внезапно я почувствовала, как

горло сжалось, а сзади кто-то старательно давил на меня своим телом, пытаюсь задушить. Это была Лали. Я не знаю, действительно ли она хотела убить меня или она даже не думала о последствиях.

Ни помню, стал ли ее кто-то останавливать, перед глазами стояла мутная пелена. Из-за того, что у меня не было сил, я теребила руками и ногами, но выбраться ни удавалось, мои удары были столь слабые, что еле касались ее.

Послышался чей-то голос.

Лали стали останавливать, но она не отпускала меня, душа все сильнее. Я чувствовала, как воздуха не хватало и все внутри сжималось. Металлический привкус страха, шум в ушах как прибор. С десятой попытки мне все же удалось ударить в живот, и она скрючилась от боли. Я жадно глотала воздух, схватившись за горло.

Я дышала. Просто дышала. А Лали смеялась.

Затем мы оказались в столовой, и как ни в чем не бывало ели суп, второе и запивали компотом. Я ни стала говорить об этом инциденте кому-либо. Порой мне действительно было жаль ее, искренне без задних мыслей. Ее мама умерла при родах, и Лали воспитывал отец. Я пыталась подружиться с ней, как-то поддержать, даже тогда, когда она унижала меня.

Ее отец крупный бизнесмен, владелец модельного агентства, сотрудничает с ведущими мировыми компаниями и несомненно богат.

Я всегда задавалась вопросом, почему он не отдал ее в частную школу?

Единственный ответ, который я находило, это то, что наш городок безопасный и вероятно он не хотел погружать ее в суету популярной жизни. А он действительно популярная личность. Чтобы его дочурка хорошо себя чувствовала, он спонсировал всю школу, задабривал учителей и директора. Поэтому ее проделки всегда сходили с рук.

На следующий день после уроков маму вызвали в школу. Она сразу спросила, сделала ли я что-то. Я ответила, что нет, на самом деле ведь я ничего не сделала. Зайдя в школу, мы увидели во дворе директора, который разговаривал с Олегом Крысалоновым, а рядом стояла Лали вся в слезах.

Я сразу заподозрила что-то неладное.

– Марина, что происходит?

– А что случилось? – насторожились мама, поправляя свой хиджаб, она всегда делала так, когда находилась в замешательстве.

– Ваша дочь душила Лали, что это за безобразие! – трепетал директор, не зная, куда провалиться от неловкости перед Олегом, ведь он боялся потерять его финансирование.

После этой фразы в моей голове все перевернулось. Голоса взрослых звучали, отдалено, как шум. Я смотрела в глаза Лали, она еле скрывала ухмылку. Меня не волновало мнение остальных, я не собиралась ничего объяснять и говорить "нет, я так не делала". Ведь я знала мама всегда на моей стороне, а мнение остальных меня не волновало. Мне было до ужаса обидно за то, что она так все перевернула без угрызений совести. Наверняка побоялась, что я расскажу обо всем, и решила напасть первой, ведь лучшая защита это нападение.

Подул ветер и по телу прошелся легкий холодок. Я на мгновение оставила размышления. В тот день пришло осознание – люди не ценят добро и если хочешь делать его, то делай только ради награды от Всевышнего.

– Она просто завидует мне! – трепетала Крысалонова, мастерски имитируя истерику – Она хотела убить меня! – всхлипнула та вновь, а я молчала. Потому что знала: если заговорю, мой голос дрогнет и они решат, что я виновата.

Я смотрела на ее заплаканные глаза и думала. Действительно ли я завидую, ведь она знает, что это ее роль. Почему она всегда задевала меня? Потому что у меня есть любящая мама? Потому что ей не удастся меня унижить, и я могу постоять за себя?

Почему?

Я никогда не делала ей ничего плохо, но она не возлюбила меня с первых дней. С тех пор я с ней не общалась, просто игнорировала ее присутствие. Когда я покрылась, то у нее появилось больше тем для унижения меня, но я проходила мимо, понимая, что ее натуру ничем не изменить.

Безнаказанность губит.

Я не видела ее уже два года. После окончания девятого класса Лали уехала из Лирска. Не знаю, продолжила ли она учиться, переведясь в другую школу, или решила, что девяти классов ей будет достаточно. Но одно могу сказать точно, после ее ухода моя жизнь мигом наладилась. Так хорошо я себя еще никогда не чувствовала.

И вот теперь, стоя на пороге новой жизни, я снова думаю о ней.

Санкт-Петербург. Город, который всегда казался мне недостижимой мечтой. Широкие проспекты, величественные дворцы, каналы, мосты – все это теперь станет частью моей реальности. Но вместе с восторгом приходит и тревога. Смогу ли я влиться в новый коллектив? Найду ли друзей, которые примут меня настоящую или вновь столкнусь с буллингом?

Сейчас мама занята сбором вещей. Грустно расставаться с нашей маленькой квартиркой. В ней все воспоминания и плохие и хорошие, но такие родные. Мама старается держаться бодро, но я вижу, как дрожат ее руки, когда она складывает фотографии в коробку, на одной из которых был мой отец. Мама беременная мной, папа сидит, держа на коленях двухлетнего кудрявого мальчика.

Кто этот мальчуган?

Он есть буквально на всех семейных фотографиях, но каждый раз, когда я спрашиваю маму о нем, то она вступает в замешательство. Иногда думаю, может это мой брат, но доказательств нет. Если это так, то куда он делся, и почему мама никогда не рассказывала мне о нем.

На семейном портрете сияют улыбки, они так счастливы. Отец обнимает маму, смеется, смотря на этого мальчугана. Кажется, что это мое рождение лишило их счастья.

Порой я чувствую вину за это.

Наши взгляды с мамой сошлись. Она резко стала вытирать слезы, не ожидая, что я зайду. Мы обе понимаем: это ни просто переезд. Это новый этап, шанс начать все с чистого листа.

– Готова? – мама пытается перевести мое внимание от этих портретов.

Я киваю, но внутри все сжимается. Готова ли я оставить прошлое позади? Готова ли я встретить будущее лицом к лицу? В голове снова всплывает лицо Лали – ее ухмылка, ее слова, ее попытки сломать меня. Но теперь понимаю: она не смогла, я выстояла и если придется – выстою снова.

– Да, мам, – отвечаю твердо – Я готова.

Завтра начнется новая глава... и я надеюсь, что в ней не будет места для Лали и для дневника. Но что-то шептало мне: оба уже вплетены в мою судьбу.

Глава 1

«Ваше время ограничено, так что не теряйте его, проживая чужую судьбу. Ведь жизнь может оборваться в любой момент»

Рамина подрабатывала в местном продуктовом магазинчике продавцом-консультантом. Сегодня был как раз такой день: смена затянулась, а зима диктовала свои правила – темнело рано. В небе уже сияли звезды, а посередине мерцала полная луна, будто холодный фонарь, наблюдающий за городом.

Рамина была невысокой – где-то метр шестьдесят. Хиджаб скрывал ее густые каштановые волосы и закрывал шею, грудь и плечи. Поверх было надето пальто цвета кофейного зерна. Рамина предпочитала лаконичные оттенки. Ее карие глаза с медовым отливом обрамляли длинные ресницы, губы алые от природы, а на щеках рассыпались светлые веснушки. Что тут скрывать – она была весьма красива и не раз получала комплименты по этому поводу.

Она быстро шагала по заснеженной земле, стараясь дойти до дома прежде, чем окончательно замерзнет. При дыхании выходил пар, по телу пробежались мурашки. Снег хрустел под ногами, создавая приятный, почти убаюкивающий шелест.

Обычно мама ждала ее у работы – вместе идти было спокойнее. Но сегодня у нее поднялась температура, и встречать Рамину было некому. От этой мысли стало не по себе.

Район выглядел удручающе. Ржавые машины с выбитыми окнами, едва припорошенные снегом. На земле – свежие следы пары прохожих. В окне многоэтажки одиноко горел свет. Скрип пустой качели навевал тревогу. В темном углу хохотали мужчины в черных куртках; на асфальте валялись бутылки из-под алкоголя и окурки сигарет.

На обшарпанной стене дома темнел силуэт граффити – полустертый ангел с обломанными крыльями, словно символ этого места. У подъезда лежала разорванная кукла без головы, присыпанная снегом. Фонари горели через один, отбрасывая на тротуар рваные тени, похожие на когти.

Рамина вдохнула холодный воздух: от снежных сугробов исходило металлом и далеким дымком из печных труб. Пальцы в тонких перчатках немели, уши горели даже под платком.

Если бы дорогу не перекрыли из-за протечки труб, то она никогда не пошла бы по этой улице. Множество слухов ходили вокруг этого места. Потерянные дети, застреленный олигарх, сумасшедшая старуха, угощавшая соседей печеньем, в составе которого была кровь ее жертв и прочии. И зачем только Рамина вспомнила об этом? Теперь становилось еще страшнее.

Больше всего во всей этой жуткой атмосфере, ее волновала толпа мужчин. Она задержала дыхание, перешла на противоположную сторону, засунула руки в карманы и слегка сутулилась, стараясь стать незаметной. В темноте лиц почти не разглядеть.

Может, приезжие?

В Лирске все друг друга знают: город маленький. Но эти явно не местные. Улица сузилась. Мужчины продолжали хохотать, поначалу не замечая девушку. Но вскоре Рамина ощутила на себе пару чужих глаз, испепеляющих ее тыл.

Чей-то свист раздался издалека.

«– Неужели это они мне? Что за хамство!» – подумала она и ускорила шаг. Случилось именно то, чего она до жути боялась – ее заметили.

Остаться здесь было нельзя. Днем, при свидетелей, Рамина не упустила бы возможности бросить им колкую фразу или пару нравоучений. Но ночью смелость всегда куда-то улетучивалась.

– Стой, стой, стой! – крикнул один из парней, и они плотной стеной возникли перед ней. – Это наш район, просто так тут не пройти, – ухмыльнулся он.

«– Ваш район? Да вы что! А ничего, что в этом районе прошло все мое детство? Раньше тут был порядок, а теперь творился полный кошмар. Но все равно называть его своим районом больше прав у меня!» – так и хотелось бросить Рамине, но, глядя на двухметровых бугаев, желание сразу отпало.

– Парни, давайте не будем создавать друг другу проблем и спокойно разойдемся, – твердо сказала она.

Хоть внутри все и дрожало, но Рамина старательно пыталась это скрыть. Скрестив руки на груди, она уставилась на парня в центре – похоже, он был предводителем. Его глаза переливались серым, но в лунном свете становились ярко-голубыми. Черные, слегка волнистые волосы отдавали синевой. На вид ему было лет двадцать.

– Тебе не страшно? – ухмыльнулся он.

«Они думают, я испугаюсь?» – Рамина сжала кулаки в карманах. – «Пусть смотрят. Я не стану бежать, как загнанный зверек. Хиджаб на месте, спина прямая – вот и все, что им дозволено увидеть».

Она намеренно замедлила шаг, хотя сердце колотилось так, что, казалось его бешеный темп, было слышно всем. При дыхании выходил пар в виде облаков.

– Я боюсь только Всевышнего Аллаха, – процедила Рамина, сжимая край хиджаба так, что побелели пальцы.

Парень на мгновение замер. Его ухмылка дрогнула, но тут же вернулась – будто приклеенная. Он медленно обвел взглядом ее фигуру: коричневый платок, пальто, сапоги. Остановился на веснушках, потом на глазах – карих, с медовым отливом. В них читался страх. Рамина не отводила взгляд, хотя внутри все сжималось. Становилось некомфортно от такого пристального внимания и она сделала шаг назад. Снег под тяжелыми сапогами хрустнул слишком громко. Пытаясь справиться с волнением, она резко поправила хиджаб, надеясь, что ни один волос не выбился из строя.

В этот миг ей вспомнились слова из дневника: *«Откроешь – не закроешь. Возьмешь – не вернешь. Захочешь – получишь. Получишь – потеряешь».*

«– Неужели плата... уже начинается?» – пронеслось в голове и от этой мысли по телу прошлись мурашки.

– Дэв, что будем делать? – нарушил тишину один из них. Голос звучал похабно, в прищуренных глазах читалась алчность.

Тот вздохнул: «Опять эти игры... Хватит уже» – подумал он, смотря на страх в глазах Рамины. Неужели она считает его настолько ничтожным человеком, готовым напасть на беззащитную девушку. Он бросил злобный взгляд на того алчного пацана.

– А что ты собираешься делать? – Дэв провёл ладонью по лицу, будто стирая усталость. – Пусть идет.

– Ну-у-у, вот – с досадой протянул тот, дергая серьгу в ухе.

– Заткнись, а... – Дэв проводил взглядом девушку, которая медленно удалялась. – Как тебя зовут? – внезапно бросил он вслед.

Ответа не последовало – лишь тишина и хруст снега.

– Зачем тебе ее имя? – снова загудел тот, пиная носком ботинка ком снега. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь редким скрипом веток. Фонарь над ними мигал, отбрасывая дрожание тени на сугробы. А дым от сигарет пробивал нос. – Может, у неё хоть деньги были, а ты отпустил её.

– А у тебя что, денег нет?
– Нет, брат, – с надеждой сказал тот, явно рассчитывая на долю.
– Так иди и работай! У тебя что, дел других нет, кроме как девушек обворовывать?
– Ну, а че мы тогда тут торчим?
– Дурень, мы разве не пришли сюда просто покурить? Чертов гений, блин! О чем ты только думаешь?
– Ладно, Дэв, не кипятись, – произнес другой парень – русоволосый, с зелеными глазами.
– Ты завтра едешь в Питер?
– Конечно, Ник. Отец убьет, если меня не будет.
– Тогда я тоже буду. Уезжать, конечно, не хочется: здесь так тихо, хорошо, – он вдохнул еле уловимый чистый воздух, растягивая умиротворенную улыбку.
– Ха-ха, – рассмеялся Дэв, но смех прозвучал фальшиво. – Неужели за пару дней ты успел влюбиться в этот город?
Ник замолчал. Улыбка погасла, и на секунду в глазах мелькнуло что-то темное.
– Ну, ты же знаешь... Тут никто не дергает. Ни родители, ни полиция. Пьешь что хочешь, куришь что хочешь, ходишь, где хочешь.
Ник размял шею, мотая головой в разные стороны. Дэв кивнул, но взгляд его стал жестче. Он тоже бежал. От себя.
– Ладно, брат, – они пожали руки с хлопком. – Пойду я. Что-то глаза режет.
– Может, потому что мы гуляли целые сутки? – усмехнулся Ник, поправляя русые волосы.
– Да не, я и две ночи могу не спать. Просто много выпил. Башка раскалывается.
– Понял. Тогда увидимся завтра.
Ник смотрел, как Дэв уходит, растворяясь в сумраке. Ветер подхватил обрывки их разговора и унес вдаль. Где-то за горизонтом мерцали огни Питера – города, который ждал их с распростертыми объятиями... или с цепями.

Рамина шла быстрым шагом. Скоро из-за маленьких домиков должен был показаться ее дом – с красной, пошарканной крышей. Фонари здесь уже не работали, и территорию освещала лишь полная луна. Ноги начали затекать, и она сбавила темп. Остановившись, Рамина вдруг замерла, услышав шаги позади. Внутри все сжалось.

Набравшись смелости, она бросила взгляд через плечо и уловила силуэты двоих парней. Похоже, они следовали за ней с того самого перекрестка. Сердце заколотилось. А вдруг она не дойдет до дома? А что если это ее последние минуты жизни. Мысли, что возможно она больше не увидит маму, окончательно загнали в угол, и Рамина прослезилась. Она решила позвонить маме, быть может, тогда преследователи испугаются и отстанут.

Только Эдиева потянулась в карман, как тут же в руку кто-то вцепился. Рамина попыталась вырваться, но хватка была железной. Не успела она обернуться, чтобы разглядеть лицо, как у горла оказался острый нож. Запах металла ударил в нос, а холод лезвия ощущался даже через платок.

В ту же секунду она поняла: вот что означали слова из дневника – «*получишь – потеряешь*». Неужели платой станет ее жизнь?...

В глазах темнело, колени дрожали. С языка слетела всего одна фраза:

– Хасбия-Аллаху ва ни'маль вакиль... – в переводе с арабского "достаточно мне Аллаха и Он – наилучший покровитель".

Это последняя фраза, произнесенная пророком Ибрахимом (мир ему), когда его бросали в огонь, после чего Всевышний по своей Милости сделал огонь для него прохладой.

– *Это мой конец!*

Тучи, небо закрывая

*Волнительно шепча
Луне о горе...
«—Жизнь уходит! – кричала я
– Больше не буду я на воле».
И будто больше никогда,
Судьба нас не сведет
Тихо унывая, не понимая боли,
Торопливо уходя, звезда кричит о воле...*

Глава 2

«Всевышний сотворил вас парами, но не забывайте о том, что он велел не приближаться к прелюбодеянию, ибо это является мерзостью и скверным путем»

Рамина Эдиева

Я стою, застыв от ужаса. Время словно замедлило свой бег – каждый миг растягивается в вечность. В ушах звучит лишь приглушенный шепот: голоса вокруг тихие, осторожные, будто боятся разбудить что-то страшное, дремлющее в этой темной подворотне. Внутри все сжимается в ледяной комок, и этот холод пробирает до самых костей, сковывая движения, мысли, дыхание.

Жмрю глаза изо всех сил, до рези, до ярких вспышек перед внутренним взором. Кажется, если я буду держать их закрытыми достаточно долго, все это превратится в кошмар – обычный ночной ужас, который рассеется с первым лучом солнца, оставив после себя лишь смутное воспоминание. Но реальность безжалостно напоминает о себе: холодное лезвие все так же прижимается к моей шее, а чужое дыхание обжигает кожу.

– Тихо, даже не смей кричать, иначе я сразу же прикончу тебя, – его голос режет слух, словно ржавый нож.

Он звучит где-то сбоку, но я не решаюсь повернуть голову, чтобы увидеть лицо. Только ощущаю: он близко. Слишком близко.

Я чувствую его дыхание – ледяное, прерывистое, будто он сам боится того, что делает. В этот момент в кармане звенит телефон. Звук пронзительный, резкий, как удар хлыста. Мама... Перед глазами мгновенно всплывает её лицо: тревога в глазах, дрожащая улыбка, морщинки у губ, которые она всегда прячет за напускной бодростью. По щеке скатывается слеза, обжигая кожу, оставляя влажный след.

– Выключи, живо! – крик разрывает тишину, и я вздрагиваю всем телом, словно меня ударили.

Дрожащие пальцы нащупывают карман. Они будто чужие – непослушные, онемевшие. На секунду мне кажется, что я не смогу нажать на кнопку. Но вот – прикосновение к холодному металлу, лёгкое нажатие, и звонок обрывается. Тишина становится еще более гнетущей, будто сама ночь затаила дыхание.

В голове сама собой рождается молитва. Слова льются тихо, почти беззвучно, но в них – вся моя надежда. Где-то в глубине души теплится уверенность: Аллах не оставит меня. Он всегда спасал, даже когда боль казалась невыносимой, когда мир рушился, а силы иссякали. В памяти звучат мамины слова, ее мягкий, но твердый голос:

«Вся жизнь – это испытание. Прояви красивое терпение и упование на Господа своего, чтобы получить награду, не сравниваю со всем, что есть в этом мире».

– Что вам нужно? – мой голос звучит чуждо, будто принадлежит кому-то другому. Он дрожит, прерывается, но я заставляю себя говорить. Тело словно окаменело, каждая мышца напряжена до предела, будто я превратилась в изваяние, которое вот-вот рассыплется от легкого прикосновения.

– Ты прекрасно знаешь, чего мы хотим, – его рука впивается в мою талию, притягивая ближе. Прикосновение грубое, безжалостное, и от этого внутри все сжимается еще сильнее.

Дыхание сбивается, сердце замирает, а потом начинает биться с такой силой, что, кажется, его стук слышен на всю улицу. Я задыхаюсь от ужаса, от ощущения полной безысходности. Одно неверное движение – и все закончится. Внутри всё дрожит, мысли мечутся, как загнанные звери:

«Рамина, как ты попала в эту ситуацию? Почему не ушла раньше? Почему не предугадала? Почему не послушала внутренний голос, который шептал: „Не ходи этой дорогой“?» Я собираю всю волю в кулак. Каждый вдох даётся с трудом, но я заставляю себя говорить ровно, спокойно, хотя голос то и дело срывается:

– Хорошо, я все поняла. Но для начала отпусти нож.

– Не слушай ее, это ловушка! – раздаётся сзади, и я чувствую, как напряжение в воздухе становится почти осязаемым.

– По-вашему, я смогу справиться с вами в одиночку? Просто жизнь мне дороже, – слова звучат тихо, но твердо.

Я стараюсь, чтобы в голосе не дрогнула ни одна нота, хотя внутри всё кричит от страха. На мгновение повисает тишина. Она давит, душит, но в ней есть что-то новое – неуверенность. Его хватка ослабевает. Он продолжает держать меня за локоть, но нож убирает в карман. Я едва могу поверить, что это происходит на самом деле.

Тут я встречаюсь с взглядом захватчика. Холодный, мерзкий. А лицо прикрыто шарфом.

– Сними эту тряпку, – его рука тянется к моему хиджабу.

Движение медленное, нарочито неторопливое, будто он хочет, чтобы я ощутила каждый миг этого унижения. Всё внутри замирает. Время словно останавливается. Я чувствую, как кровь стучит в висках, как холод проникает в каждую клеточку тела.

Но вдруг – глухой стук.

Парень позади рушится на землю. Звук резкий, неожиданный, и я оборачиваюсь, не веря своим глазам. В этот момент чей-то кулак с размахом врежется в лицо моего захватчика. Удар мощный, точный, и он отлетает в сторону, теряя равновесие.

Это он.

Тот самый парень с голубыми глазами, которого я встретила при свете полной луны. Его взгляд – холодный, решительный – на мгновение встречается с моим, и в нём я вижу то, чего не ожидала: ярость, но не слепую, а направленную, контролируемую. Я отлетаю в сторону. Руки трясутся так сильно, что я едва могу их контролировать. Слезы застилают глаза, превращая мир в размытое пятно света и тени.

Я жадно глотаю воздух, пытаюсь унять панику, но лёгкие будто сжались в маленький комочек, не позволяя сделать полноценный вдох. Хочу бежать, но ноги не слушаются – они словно превратились в две тяжёлые колонны, прикованные к земле. Обессилев, я падаю на холодную землю. Асфальт жёсткий, неровный, и я ощущаю каждую выбоину, каждый камешек сквозь тонкую ткань одежды. Пытаюсь совладать с вихрем эмоций, но они накрывают меня волной, топят в себе.

Страх, облегчение, недоумение – всё смешивается в один неразделимый клубок.

Парень корчится от боли, валяется на асфальте, держится за голову. Его хрипы разрывают тишину, звучат глухо, отчаянно. Он пытается подняться, но силы явно на исходе.

– Вы чё, совсем офонарели?! – голос Дэва гремит, словно раскат грома. Он расправляет руки, и в этом движении – вся его сила, вся его ярость. Лицо искажено гневом, но в глазах – холодная решимость. – Пошли вон, пока я вас не убил!

Они переглядываются. В их взглядах – страх, сомнение, расчёт. Они вспоминают прошлогонную драку в баре, где Дэв в одиночку уложил четверых. Боятся полиции, свидетелей.

Один звонок – и они за решёткой. Подскакивают и, еле сдерживая боль, бросаются прочь. Их шаги звучат всё тише, пока, наконец, не растворяются в ночной тишине.

Дэв подходит ко мне. Присаживается на корточки. Его взгляд, ещё недавно пылающий яростью, теперь мягкий, тревожный. Он смотрит на меня так, будто пытается прочесть каждую мысль, каждое чувство, скрытое за пеленой слёз.

– Не бойся. Они ушли. Ты в порядке? Ничего не сделали? – его голос звучит тихо, почти нежно.

Он будто боится напугать меня ещё больше. Я смотрю на него сквозь пелену слёз. Он выглядит искренне обеспокоенным. В его глазах – не любопытство, не праздный интерес, а настоящее участие. Постепенно дыхание выравнивается. Я вытираю слёзы тыльной стороной ладони, ощущая, как влага оставляет холодные следы на коже. Разве моя смерть не была платой за исполнение желания? Ещё раз смотрю в глаза Дэва и понимаю, он стал моим спасением. Если Всевышний не подослал бы его, то я могла бы быть уже мертва.

– Спасибо... – шепчу я, и эти три слога даются мне с невероятным трудом. В них – вся моя благодарность, весь мой страх, всё, что я не могу выразить словами.

– Да не за что. Где ты живёшь? Я провожу тебя, – он говорит это просто, без пафоса, без желания произвести впечатление. В его тоне – искренность, которую я не ожидала услышать.

– Не стоит, – я поднимаюсь с земли, чувствуя, как дрожат колени. Каждое движение требует усилий, но я заставляю себя встать. – Мужчины и женщины не махрамы, не могут находиться наедине. Даже сейчас... Мне нужно идти.

Я делаю шаг, но его спокойный голос останавливает меня:

– Махрамы? Кто это? – Те, кто не могут жениться на девушке: братья, родные дяди, племянники, отцы, сыновья... – я говорю это тихо, стараясь не смотреть ему в глаза. Почему-то мне неловко, будто я раскрываю что-то очень личное.

– Значит, я могу? – его вопрос заставляет меня опустить взгляд. В нём – лёгкая усмешка, но нет насмешки, только любопытство. – Ладно, – он ухмыляется, видя, как мне неловко. – Можешь говорить что угодно, но я не отпущу тебя одну. Ты пойдёшь, а я буду наблюдать за тобой издалека, пока не дойдёшь до дома.

– Я не знаю... – мой голос звучит неуверенно.

Я разрываюсь между страхом, благодарностью и смущением.

– Я не отстану, – он говорит это твёрдо, но без угрозы. В его тоне – обещание, которое я не могу отвергнуть. И он идет за мной. Каждый шаг даётся с трудом. Ноги все еще дрожат, в груди тесно от пережитого ужаса, будто кто-то туго стянул ее железной лентой. Каждый вдох – как борьба, каждый шаг – будто по зыбучему песку, который норовит утянуть вниз.

Я иду, а в голове – хаос: обрывки мыслей, отголоски криков, звон в ушах, ледяной шепот страха.

Я невольно оборачиваюсь через плечо. Дэв держится в нескольких метрах позади. Он не приближается, не давит – просто идёт, ровно и уверенно, словно часовой, взявший на себя обязанность охранять то, что ему не принадлежит.

В его молчании нет навязчивости, но есть нечто твёрдое, непоколебимое – будто он дал себе слово и не отступит. Луна светит ярко, заливая улицу серебристым светом. Её свет ложится на его лицо, подчёркивая резкие черты, игру теней на скулах, блеск в глазах.

Он смотрит вперёд, но я чувствую – он видит каждое моё движение, каждую попытку сбиться с шага. И от этого одновременно страшно и... спокойно. Мы минуем переулок, где всё случилось. Я невольно замедляю ход. Здесь всё ещё пахнет страхом – моим страхом.

Асфальт будто хранит отголоски того мгновения, когда я упала, когда мир сузился до размера лезвия у горла. Я закрываю глаза на секунду, пытаюсь прогнать видение, но оно прилипло, как липкая паутина.

– Ты в порядке? – его голос доносится издалека, но звучит отчетливо, будто рядом.

Я не отвечаю. Просто киваю, хотя он, наверное, не видит. Мне нужно время. Нужно собрать себя по кусочкам, как разбитую вазу, где каждый осколок – воспоминание, чувство, дрожь. Дом уже близко. Знакомый забор, куст роз у калитки, тусклый свет в окне кухни – мама не спит. Она ждет. Ждет и молится, я знаю. Эта мысль пронзает меня теплом, но тут же обжигает стыдом: я заставила ее волноваться.

Снова.

Я останавливаюсь у калитки. Руки дрожат, когда я достаю ключ. Он не подходит. Я пытаюсь снова – опять мимо. Слезы снова подступают, горячие, злые.

– Давай я, – Дэв подходит ближе, но не вплотную. Он берет ключ из моих пальцев – его руки твердые, сухие, не дрожащие.

Один точный поворот – и замок щелкает. Я оборачиваюсь у самой двери. Почему? Не знаю. Может, потому что чувствую: если не сделаю этого сейчас, потом будет поздно. Луна светит так ярко, что я вижу каждую мелочь – лёгкую тень от его ресниц, едва заметную морщинку у губ, блеск в глазах, который то вспыхивает, то гаснет.

«– Лунный рыцарь», – повторяю я про себя, словно пробуя это прозвище на вкус. Оно кажется правильным, подходящим ему.

– Хрустальная шкатулка... – он говорит это тихо, будто вырвавшиеся слова. Уверена, он не хотел, чтобы я услышала, но я слышу каждое слово, будто он шепчет прямо в мое сердце.

Он уходит, и я наблюдаю, как ночь поглощает его – не резко, а медленно, как будто не хочет отпускать. Сначала размываются контуры, потом – цвет, потом – свет в глазах. Когда он исчезает окончательно, я остаюсь одна, но не чувствую одиночества. Вместо этого во мне растёт странное ощущение: что-то важное только что началось. Что-то, что изменит все.

Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю.

Я стою у двери, пока его фигура не исчезает за поворотом. Только тогда я вхожу в дом. Мама встречает меня на пороге. Один взгляд – и она всё понимает. Без слов. Она обнимает меня, и я, наконец, позволяю себе расплакаться – тихо, судорожно, уткнувшись в ее плечо.

– Все хорошо, доченька, – шепчет она, глядя меня по волосам. – Все хорошо. Аллах защитил тебя.

Я закрываю глаза. В голове – образ парня с голубыми глазами, его спокойный голос, полная луна. И странное, непривычное чувство: где-то там, в темноте, есть человек, который не прошел мимо. И это меняет что-то внутри меня. Что-то важное.

Глава 3

**«В один день вы останетесь одни, и только вы,
будете в силах что-то исправить и помочь себе»**

Санкт-Петербург. Сентябрьское утро, время 8:00.

Я, Рамина Эдиева стояла у ворот школы. Внутри уже бурлила жизнь, а мне приходилось скрываться за забором, чтобы утихомирить бешеный тебр сердца. Белый хиджаб развивался на ветру. Палящее солнце обжигало кожу, подобно тому дню когда я впервые пришла в школу покрытой. Тогда я не ощущала такого же волнения, как и сейчас. Что стало? Куда делась уверенность?

Одноклассники столпились у входа. Толком рассмотреть их не удалось, но их ор и смех слышались издали. Прозвенел звонок и народ ворвался внутрь, опустошив двор. Я наконец ступила за порог.

– Бисмилляхи рахмани рахим – прошептала я, что с арабского переводится как: «с имени Аллаха Милостивого и Милосердного».

Считается, что любое дело, будь то еда, работа, чтение, начатое с этой фразы, получают Божественную помощь и лишаются влияния дьявола. Каждый раз произнеся эти слова я ощущала, будто купол из крыльев ангелов, накрывает меня и на душе сразу становилось спокойней.

Чувствую, как трясутся руки, но стараюсь совладать с эмоциями. Позади слышится стук каблучков. Я бросаю взор из-за плеча и ловлю силуэт высокой женщины средних лет. Русые волосы собраны в пучок, на плечах зеленый пиджак, ноги прикрывает юбка до колена, а на губах блестит красная помада. Касаюсь языком нижней губы и понимаю, что они засохли от волнения. Пытаюсь исправить ситуацию, облизнув их, слегка поджав к себе, но делаю только хуже. На язык попадает вкус крови, и я понимаю – это поражение.

– Ты новенькая? – слышится уже рядом, чей-то властный голос.

– Даа.. – оборачиваюсь и слегка вздрагиваю, обнаружив эту женщину около себя – Как вы поняли?

– Сразу видно. Пойдем, я представлю тебя классу.

Она даже на доли секундожку не задержала взгляд на моем платке. В ее взгляде не было ни капли осуждения. Ммм, что-то новое. Может это сулит хорошие начало года? Хочется. Очень хочется в это верить. Стук каблучков режим слух, становится жалко плитку, по которой она ступает, кажется, вот-вот и она треснет. У пяток виднеются мозоли, чувствую эту боль и мигмом радуюсь, что на моих ногах удобные кроссовки.

Почему я рассматриваю ее ноги? Вот спросите!

Потому что на большее смелости не хватает. Я чувствую на себе изучающие взгляды, и от этого становится неловко. Вдыхаю воздух, чтобы перейти дух. Ладно, скоро это закончится. Они привыкнут и перестанут так пялиться. – Так, а вот и кабинет. Кажется сейчас биология – они начинают рассматривать школьное расписание на стене, но из-за мелкого шрифта удается не быстро.

– Да, а потом алгебра, русский и история, дальше не запомнила... – вырывается с уст.

– Ого, молодец, мне нравится твоя подготовка.

Конечно, ведь вчера вечером я зубрила расписание, чтобы не дай Боже не прийти на чужой урок. Я же со стыда умру! И как можно было забыть, что будет после истории. Мысленно ударяю себя по голове, чувствуя, что вчерашние пару часов были потрачены в пустую. Ну, конечно, кто начинает учить с конца месяца? Только такие гении, как я!

А, английский, точно!

Директор открывает дверь. В уши ударяет гул присутствующих, но когда на пороге появляется она, то все мигом замолкают. Даже учитель встрепенулся, начиная поправлять тетради, будто ранее не копался в телефоне.

– Доброе утро. Хочу представить вам новенькую – произносит директор и тут же смотрит на меня, которая осталась за порогом.

Не уверенно шагаю вперед. Не решаюсь взглянуть на сидящих за партами, и резко увожу взгляд на учителя в леопардовых очках.

– Итак, это Рамина Эдиева, попрошу принять радушно, без происшествий – в ответ звучит недовольное оханье, с фразами "опять!" и легкий смешок – Хорошо, можно не радушно, но главное без скандалов.

– Можно вопрос? – звучит чей-то до ужаса знакомый женский голосок, – У нас здесь что монастырь?

Тогда я поднимаю взор и встречаюсь с этими голубыми, ледяными глазами, испепелявшими ненависть. Внутри все дрожит, я оцепеневаю, не ожидая увидеть ее здесь. Медовые волосы, заколоны скрабом, из-за чего я отлично могу сказать, кто это.

– Ооо, Рамина – ее голос издевательски мил – Давно не виделись – хохочет она, переглядываясь с подружками.

И они здесь? В голове не укладывается, я все понимаю, но не решаюсь озвучить. Лали, Кира и Ира. Мой ночной кошмар снова рядом. Глаза вылетают на лоб, но я не решаюсь нечего сказать, хотя внутри все сжимается. Бывшая растерянность сменилась злостью. То есть из всех школ в Питере, я попала именно в эту? О, Боже!

Публика, которая была свидетелями нашей игры глазами, зашумела от вопроса блондинки. Я бы сказала пару ласковых в ответ, но не собираюсь порочить свою репутацию в первый же день. Хотя о какой репутации может идти речь? Меня явно считают очередной мешенью для издевок.

– Так, успокоились! – прикрикивает директор и все вмиг замолкают – Я не буду повторять, но если вы что-то снова натворите, то я отчислю любого и даже не посмотрю, кто это будет – взглянула она на Лали, намекая, что деньги тут не помогут.

Затем она покинула кабинет и после этого я ощутила весь груз этой наколенной обстановки. Даже ради приличия никто взгляд не отводил, в наглую пялились. От такого пристального внимания я всегда попадаю в неловкие ситуации. Медленно иду вперед, пытаюсь найти взглядом пустое место. Осматриваю присутствующих и вдруг, взгляд останавливается. Теперь не привычно для себя, пялюсь я.

На какого-то парня.

Он не обращает на меня внимание и рассматривает пейзаж за окном, выглядит наигранно. Парень вдруг смотрит в мою сторону и мне становится жутко неловко, но оторвать взор по-прежнему не могу. Четкие линии лица, прямой нос, черные волнистые волосы. Кого-то он мне напоминал. Мои размышления длились до тех пор, пока, я не увидела его серые, как туман глаза. О, Боже!

Глаза расширились, и мне показалась, что я даже издала удивленный стон. Это был он. Точно! Тот парень, который спас меня от кучки отвратных мужланов. Внутри появилось какое-то странное чувство. Во всей этой ситуации мне стало спокойно. Что? Да, да, спокойно! Это было что-то похожее на безопасность.

Его взгляд не был таким же искренним как в тот день. Дэв закатил глаза и резко отвёл взгляд. Тогда я поняла, что слишком долго пялилась на него, а смешки одноклассников были обращены ко мне. Вдруг мне показалась, что на щеках появился алый румянец.

Нет, хуже!

Все лицо горело, и я была уверена, что сейчас выгляжу как красный помидор. Так, нужно найти свободное место. Срочно! Ворочаюсь и замечаю рыжеволосую девушку с ярко зелеными глазами. Она широко улыбалась, но без издевки, в ней чувствовалось понимание.

– Садись – вежливо кидает она, подвигая пенал к себе. Пользуюсь, возможность и быстро падаю.

Закидываю на спинку стула сумку и с облегчением выдыхаю. Кажется, все перестали пялиться. Лали уже обсуждала со своими подружками новую жертву, перелистывая на своем новомодном телефоне фотки. А Кира и Ира хохотали, делая вид, что им очень интересно. В общем, как всегда. Остальных в классе не знаю, но их не много. Хотя. Вон тот русский парень с зелеными глазами, кажется, был в тот вечер под луной. Как его там... Никс что-ли.

– Тебе очень идет – голос рыжеволосой выбивает меня из размышлений, она указывает на хиджаб.

– Оу, спасибо – широко улыбаюсь я – Как тебя зовут?

– Аня Фролова. Можно просто Аня. Меня считают феминисткой и назойливой дамой – вдруг выдает она, и я вступаю в ступор – Я специально говорю, чтобы потом ты не удивилась.

– Ааа, спасибо за честность. А меня любят называть арабской подстилкой. – Мда, интересно, что за умник это придумал – Аня легонько стукнула себя по лбу, а затем между нами повисла неловкая тишина.

Так мы просидели до большой перемены. Молча, без лишних подробностей, лишь изредка бросая друг на друга оценивающие взгляды. Мы купили по шаурме в буфете и сели под тенью дерева. Нас никто не видел и не слышал, однако для нас обзор был открыт.

Я вдохнула аромат еще горяченькой шаурмы и поняла, как сильно проголодалась. Живот сосал, и я еле сдерживала его рев. Когда Аня, наконец, села и мы сделали первые укусы, стало таа-аак хорошо. Не знаю у кого как, но путь к моему сердцу лежит именно через желудок.

– Ну, рассказыва-аай – протянула она, уплетая курочку с верхушки лаваша.

– Ммм, надо подумать – я гуляла глазами по территории и напоролась на Лали, которая пила латте и ела круассан – Кто она? – нарочно делаю, видно, будто не знаю.

– Оо, это Лали, с ней лучше не связываться, так себе персона. Отец богатый бизнесмен, матери нет, вроде при родах умерла. А сама она жутко избалованная, аж раздражает – последнее слово, вышло с отворачиванием.

– Все ясно, она ни капли не изменилась. Я училась с ней в родном городе.

– Да, ладно, вот это совпадение.

– Честно сказать не особо рада этому. Лали конкретно помотала меня в детстве.

– Не удивительно, здесь она тоже напортила. Аа, знаешь, что расскажу?

– Что? – говорю с набитым ртом.

– Видишь во-оон того парня? – она указала вдаль, но там стояла целая толпа и я сморщилась – Ну вон того с серыми глазами. Не знаю, как объяснить. Тот, что без формы, с коричневым худи на застёжке.

– Я поняла – обратила я внимание на Дэва и ждала услышать нечто, что повернет меня в шок.

– Дэвид Золотов, как говорят местные девчонки – король школы. Знала бы ты, сколько у него фанато-ооок – Нюта протянула последнее слово, и внутри меня что-то екнуло – Мда, и что они в нем нашли? Очередной смазливый богач – она искривила губы, показывая полное недовольство им – Ну это ясно, сто процентов они ведутся на его популярность и деньги. У

его родителей известный бренд одежды, ты, наверное, слышала про него, а отец Лали владеет модельным агентством и они сотрудничают.

Я смотрела на Дэвида, изредка отводя взор. Он смеялся с парнями вдалеке, но выглядело все это фальшиво. Мне хотелось узнать, почему Аня так плохо о нем отзывается. Просто из-за того, что он богат? Сомневаюсь.

– А что он сделал?

– Он со своей Лали – со своей?.. – Всю школу на уши поставил, всех унижают, подставляют. Все никак не угомоняться. Я с ним воюю с третьего класса, а в шестом вообще подняла бунт против него. Ооо, были же времена – Анята с гордостью посмотрела в небо, оставив в руке недоеденный кусок шаурмы.

А я и вовсе забыла про еду. Странно, только что ведь есть хотела, а сейчас аппетит куда-то улетучился. Я тяжело вздохнула, будто разочаровавшись в том, кого знаю от силы час и то, по большой случайности. Он показался мне совсем не таким, а по итогу этот Дэвид подобие Лали и только.

– Знаешь, а мы похожи – вдруг понимаю, что пауза затянулась – Я раньше тоже боролась, только с Крысалоной.

– Теперь нас в два раза больше, может, сможем, наконец, поставить конец из козням – приобретает меня рыжеволосая, проводя рукой по небу, будто расчищая путь к победе.

С Аней мы сразу же сдружились, хоть и знакомы пару часов. Было в ней что-то такое родное, без пафоса и желчи. В голову ударила фраза: «хрустальная шкатулка» и перед глазами появился силуэт Дэвида, полный заботы и внимания, тогда я подумала, а вдруг он тот самый? Как же глупо! Господи, мне сейчас так стыдно. Как же легко, однако меня очаровать. Скрещи-ваю руки на груди и надуваю губы, прокручиваю тот день снова и снова.

Глава 4

«Мы влюбляемся не в человека, а в себя рядом с ним»

Дэвид Золотов

– Да, вы издеваетесь?! Я же сказал, что завтра у меня важная тренировка по стрельбе.

Родителям вновь было наплевать на мои просьбы. Многие думают, что быть богатым это так легко. Неужели они действительно считают, что нам все это досталось с неба? Вот черт! Снова придется присутствовать на этой глупой встрече с Крысалоновым.

Я с самого детства занимаюсь стрельбой по мишеням и имею множество медалей за первое место, но никого не волнует, что скоро состоится важный матч. Будет идти прямая трансляция, кто лучше всего пройдет испытания и займет первое место, попадет в лигу чемпионов и поедет в тур по Европе. Туда не берут, кого попало, только самых лучших.

Шелест листья сбивал с толку. Двор давно был пуст, по крайней мере, я так считал. Из школы вдруг выбежала девушка в бежевом платке. Я сразу понял кто это, еще в классе, но подавать виду нельзя. Если Лали запалит, то устроит приступы ревности.

Пф, кругом сплошные запреты.

– Эй, хрустальная шкатулка, ты что ли? – спокойно кидаю, не пошелохнувшись.

Она, кажется, испугалась, из-за чего вздрогнула, но, увидев меня, миг поменялась в лице. Посуровела что-ли. Сейчас она не выглядела такой же незащитной как в тот вечер.

– Меня зовут Рамина – пробурчала она, а в ее карих глазах читалась фраза: «не боишься быть закопанным заживо?».

Ха, ей явно не нравится это прозвище или она просто делает вид. Закатываю глаза и удивляюсь в привычной манере. Делаю шаг вперед, и мы оказываемся в паре метрах. Теперь понимаю, что она ниже меня на голову.

– Знаю, но тебе не идет это имя.

– Почему? – она скрестила руки на груди и застыла во внимании.

– Потому что оно для воительниц, а ты хрупкая. Хоть и пытаешься не выглядеть такой.

– По-твоему я жалкая? – ах-ах, я явно нарываюсь.

– Глупая, это был комплимент – бросаю и вижу на ее лице недоумение.

Она осматривает двор и понимает, что тут ни души. Только мы. От этого осознания ей становится неловко и она, не обращая на меня внимания, начинает уходить. Сумасшедшая. Будь на ее месте другая, ни секунды не теряла бы и кинулась фотографироваться. Ну, или хотя бы взгляд не отводила бы.

– Слушай, не говори никому, что я знаю тебя. Она останавливается у входа и, глядя мне прямо в глаза, шепчет:

– Ты знаешь обо мне ровно столько же, сколько и все.

Было в ее взгляде что-то вроде разочарования. Я не ожидал, слышать, то, что услышал. У калитки караулил охранник. Он пытался удержать назойливую какую-то девушку в очках. Сумасшедшая шла впереди меня, а я медленно брел за ней. Когда мы остановились у выхода, то я чуть не расхохотался от увиденного. На футболке той девушки было напечатано мое фото с надписью "краш года". Это что-то новенькое. Она начала лезть внутрь, увидев меня.

– О Боже, – прошептала сумасшедшая не надеясь, что кто-то услышит, и тогда я расхохотался.

– Это еще цветочки – кидаю и вижу, как на ее лице появилась ухмылка.

Так она хоть не пугала меня. Ибо ранее создавалось ощущение, что она собирается меня убить. Охраннику удастся крепко схватить девушку и мы, наконец, можем пройти. Смотрю на свою «бэнтли» ярко жёлтого цвета и уже собираюсь сесть в нее, как вдруг взгляд падает на эту сумасшедшую. Она одиноко идет по дорожке, засунув руки в карманы. Интересно, как долго она собирается так идти?

– Может тебя подвести? – кидаю, но, к моему сожалению, она даже не смотрит. Эй, может, я хотел, чтобы она машину заценила. – Слышишь? – вновь молчание. – Хрустальная шкатулка! – и только на эту фразу она оборачивается.

– Я Рамина!

– А что мне сделать, если ты только на это отзываешься? Я кричу-кричу, а ты ноль реакции, что за игнор? – бурчу, облокотившись о дверь машины.

– Что ты хочешь?

– Помочь.

– Не надо!

– Ты уверена, что хочешь топтать так еще долгие пол часа? Сомневаюсь, что ты в этом районе живешь.

– Мне маменька с незнакомыми дяденьками ездить запрещает – специально делает голос детским, дразня меня.

– Ну, как знаешь... – закатываю глаза и сажусь за руль.

На минимальной скорости еду вперед. Сумасшедшая даже не смотрит. Слежу за ней: за каждым шагом, вздохом, шевеление ресниц.

– Ты что сталкер? – бурчит она и тут же бросает на меня грозный взгляд.

– Может быть.

– Слушай, держись от меня подальше. Не нужно мне помогать и тем более преследовать. Я и сама справлюсь.

Точно сумасшедшая. Как я с ней только связался?

– Ты сказал, чтобы я не говорила никому, что ты тогда спас меня. Так? – ее голос был спокойным.

– Да – киваю я головой.

– Тогда зачем едешь за мной!

– Ой, да ладно, строишь из себя недотрогу. Больно надо. Если не хочешь, больше не буду помогать – процедил я и тут же демонстративно закрыл затанированное окно.

Жду, пока она посмотрит в мою сторону. Раз, двааа-а, три-и! И? Ей совсем не интересно? Ясно, не мой вариант. А вот если бы она посмотрела, то я бы довез ее.

Ну же!

Нервно стучу пальцами по рулю машины, но ни в какую. Вдруг раздается телефонный звонок, на компьютере машины высвечивается "Лали". Закатываю глаза, представляя, что сейчас будет. Неторопливо поднимаю трубку.

– Дэви-ии, ну где ты? Я уже освободилась. Ты же купил билеты в кино?

– Ээмм... – затихаю, так не охота, честное слово! – Я не в духе, давай как-нибудь в другой раз – смотрю на билеты на подлокотнике.

– В смысле? А зачем я тогда к парикмахеру ходила?

Вот, что и требовалось ожидать. Мне так не хотелось вновь выслушивать ее недовольства.

– Ну, кто просил? Ты и так нормально выглядишь. Тем более это просто кино, ни бал, ни театр. Кино.

– Я должна выглядеть безупречно в любых обстоятельствах – кидает она, а затем голос становится истеричным – Может тебе и жениться на мне не охота? Ты дурак совсем? Мы помолвлены! Слышишь? Помолвлены! Ну ладно, раз не хочешь... Я скажу папе, что ты меня разлюбил.

Это то чего я боялся больше всего.

Если Олег узнает, что я обидел его дочь, то не будет думать ни секунды. Он разорвет контракт с родителями, и мы останемся без очень важного звена в компании. Это почти, что банкротство.

Все детство меня пугали этим, именно поэтому мне всегда приходилось угождать Лали. Я стал дружить с ней, потому что родители так сказали, затем начал встречаться с ней, потому что так "правильно", а недавно и вовсе сделал предложение.

Страшно представить, что будет дальше. Свадьба? Дети?

Я не готов на такие жертвы, но как выбраться из этих созависимых отношений не знаю.

– Ладно... , стой – хватаюсь за переносицу и тяжело вздыхаю. – Я сейчас подъеду.

– Так бы и сразу – кидает она, довольная собой и тут же сбрасывает, чтобы я не передумал.

Я пылал от злости. Как же все надоело! Если бы была возможность уехать куда-нибудь далеко, то я ни минуты не думал бы. Порой, редко, но все же, мы с друзьями выезжаем за город. А иногда даже в Лирск выбирается. Питер давно стал для меня тюрьмой. Смотрю вперед через лобовое стекло и вижу лишь очертания сумасшедшей. В голове прозвучал гудок, уезжающего поезда. Упустил.

Рамина Эдиева

Поскорей уматываю, пока этот ненормальный замедлил ход. Лучше бы так о первоклашках беспокоился. Надо же, помог, раз и теперь возомнил из себя кого-то!

«– Только не говори никому, что я тебя знаю» – каверкаю про себя его фразу и нарочно корчу лицо.

Еще говорит, что знает меня. Чудик! Хрупкая говорит, ха, а сам то? Только и ищет повод похвастаться. Сжимаю крепко зубы и ускоряю темп. Вроде больше за мной никто не следит. Только не смотри назад. Рамина, не смей! Не смотреть. Пытаюсь уговорить себя, но любопытство берет верх.

Осторожно из-за плеча выглядываю, но машина остановилась далеко. Да, я была бы рада доехать, но не стану.

Думаю про работу. Нужно найти что-то. На одну мамину зарплату не вывезем. В идеале устроиться бы в продуктовый магазин, но сколько у меня шансов? Не думаю, что в Питере такая же проблема с работниками, как у нас в Лирске. Странно, но даже на небольшое количество жителей желающих у нас мало.

Так то там курортная зона, горы, канатка и заповедный лес. Это я живу в так себе районе, а сам город не плохой. Хоть при этом жителей совсем не много, туристы есть. Большая часть населения зарабатывает на них и не маленькие деньги. Поэтому работать за гроши никто не соглашается, ну, а мне лишь бы что. Да и риэлторство и работа с туристами это не мое. Я уж лучше буду тихо, молча выкладывать товары, и расставлять ценники, нежели займусь этим.

Прохожу дальше, впереди лужа, пытаюсь обойти так, чтобы не вляпаться, но все равно попадаю в эту ловушку и пачкаю ботинок. Оу, вся жидкость внутрь затекла. Открываю телефон, ищу приложение со временем для молитвы. Осталось тридцать минут. Вот блин! Главное не пропустить.

Ускоряюсь.

Впереди висит билборд, угадайте с кем? Конечно же, с Дэвидом! Прямо в душу глядит. А ещё эта ухмылка, будто насмехается надо мной.

Так и слышу:

«А, я говорил. Могла бы поехать со мной».

Ну, уж нет! Ещё и в одной машине с ним ехать, лучше уж помучатся пару километров. Вижу продуктовый магазин впереди. Ммм, это мой шанс! Перевожу дух и захожу внутрь. Большой мега-маркет с панорамными окнами и кучей всего внутри. Потолки высоченные. Какая красота, у нас таких нет, только маленькие ларечки и то, толку от них мало, ассортимента почти никакого. Подхожу к кассирше, она как-раз свободна.

– Извините, вам случайно не требуются сотрудники?

На что получаю оценивающий и даже недовольный взгляд. Женщина пожевывает жвачку и начинает осматривать меня с ног до головы. Её взгляд цепляет хиджаб и школьная форма.

– Девочка, нам ТаКиЕ не нужны – специально делает акцент на слове "такие".

– Такие? Это какие? – вдруг выбрасываю я, крайне возмущенная таким хамством.

– Вот эти исламские. Аллах Акбар или как вас там.

– Может быть, я христианка или иудейка.

– Да ты что – наигранно хохочет она – Не носи чушь!

– Чушь? В их Священных Писаниях так же сказано покрывать головы.

– Так, успокоилась и вышла отсюда! Иначе позову охрану! – её голос стал заметно громче, она почти кричала.

Взгляды покупателей были прикованы ко мне. Мне стало жутко неловко. Будто я совершила что-то ужасное. Такие пристальные взгляды всегда выбивали меня из колеи.

– Кто тебя знает, может у тебя там бомба!

Я оцепенела. Эта фраза ударила словно кинжалом. Люди начали пятиться назад. Мне так и хотелось продолжить спор и сказать ей пару ласковых, но я старалась держаться.

В голову всплыли слова пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует):

«Я обещаю дом в предместье Рая тому, кто оставит спор, даже если он прав, дом в середине Рая тому, кто оставит ложь, даже если это в шутку, и дом на вершине Рая тому, у кого будет хороший нрав».

Сделав глубокий вдох, я улыбнулась, смотря той женщине прямо в глаза, хоть внутри все и горело от обиды. Напряжение заметно спало, но меня по-прежнему сторонились.

Я покинула магазин, и слезы нахлынули. Знаете как обидно, когда ты стараешься быть представителем благого нрава, а на тебя клеветают? Сколько помню себя, я всегда защищала слабых, помогала бедным и не ради похвалы. А из-за того, что в сердце что-то зарождалось, что-то подобное яркому свету.

Мне не нужны были благодарности людей, моей целью было стать любимицей Милостивого и я надеюсь на его вознаграждение. Награда в исламе дается даже за улыбку, что уж тут говорить о других делах? Терпение, благой нрав, поддержание родственных уз – все это относится к благодеяниям.

Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует), так же говорил:

«Один человек прошёл мимо ветки, которая лежала на дороге, и сказал (себе): „Клянусь Аллахом, я уберу её, чтобы она не мешала мусульманам“, – и (за это) он был введён в рай».

Думая об этом, я вдруг улыбнулась, вытирая слезы. Мне было больно, но мысли о награде, которую я получу за красивое терпение, не могли не радовать. Пробегаю глазами по земле и вижу его – камень, валявшийся по середине дороги. Кто-то может проткнуть колесо или же споткнуться. Я тут же приближаюсь к нему и убираю с прохода. Чувствую себя лучше. Может это и маленькое дело, но возможно именно оно поспособствует моему вхождению в Рай.

Главное – это иметь искреннее намерение ради Всевышнего.

Глава 5

«Свобода ничего не стоит, если в ней нет права ошибаться»

Рамина Эдиева

Второй учебный день. Уже не волнуюсь, так как вчера, но беспокоит тот парень. Вдруг он опять начнет приставать со своей помощью. В коридоре школы улавливаю разговор Дэвида и его лучшего друга Николаса:

– Ты видел новенькую? – кидает Дэв, его совсем не заботит, что кто-то может подслушивать. Он, правда, собирается так открыто обсуждать меня? Никс кивает, продолжая смотреть в окно, будто высматривая кого-то. – Она точно сумасшедшая.

– Прямо до психушки?

– Да нет же. В другом смысле. Вчера предложил довести до дома, а она фыркнула и пошла пешком. Ну, сумасшедшая же.

– Что я слышу. Ты предложил кому-то помощь? Это что-то новенькое. Сам Дэвид Золотов. Ахаха, прямо не верится. – стал он язвить, махая головой – И с чего это?

– Просто, – на что встретился с ухмылкой и недоверчивым взглядом друга – Да не выдумывай. Говорю же ПРОСТО – повышает он тон.

– Ладно-ладно, не кипятись – кинул Николас и стал оборачиваться в мою сторону.

О Боже, нужно бежать и я рванула в класс. Меня кстати даже не заметили. Лишь мой ускользающий силуэт. Прохожу дальше и слышу голоса, доносящиеся из приоткрытой двери. Ловлю силуэт Лали и это уже настораживает. Позади нее стоят Кира и Ира. За ее телом скрывается первоклассник.

– И что это был за взгляд? Ты сейчас получишь, недоделка!

– Нет, пожалуйста, я клянусь, больше не буду так смотреть! Честное слово – он чуть ли не плакал от страха.

Лали схватила его рюкзак и стала трясти, вываливая все на пол.

– А это я забираю себе – указывает на рюкзак – Посмотрим как ты справишься без него – смотрит с высока – Теперь собирай! – кричит Крысалонова и от ее тона становится жутко даже мне.

Мальчик бросается на пол, пытаясь собрать содержимое. Некоторые ручки треснули, а пару листов книг надорвались. Когда она добрался до стеклянной фигурки из популярной коллекции, то Лали со всей силой надавила и разломала ее.

– Нет! – он рыдал без остановки – Я так долго копил на нее. Это же легендарка!

Это переходит все границы. Я не смогла больше стоять и рванула внутрь. Лали даже не опешила, ей несколько не было стыдно за содеянное. На моем лице читалось недоумение, я не понимала как так можно.

– Ты что себе позволяешь? А вы, почему молчите и допускаете такое? – бросила я Кире и Ире.

– А тебе то, какое дело? Тут мои правила и я делаю что хочу.

– У тебя даже капельки милосердия нет! – кидаю я, и вырываю из ее рук портфель. Направляюсь к мальчику. Он продолжает плакать, его глаза были красными до самых вен. Видно, как ценна была для него эта фигурка.

– Только не плачь. Давай мы купим тебе такую же? – пыталась успокоить его я, сплотившись на корточки.

– Таких больше нет! Это была последняя версия.

Я расстроилась.

Попытки утешить кажется, сделали только хуже. Собрав все в рюкзак, остались только ручки, но ни одна не уцелела. Тогда я достала из своей сумки одну и протянула ему. Затем написала на бумаге цифры своего телефона.

– Это мой номер, если кто-то будет обижать, то обязательно звони мне, хорошо?

– Хорошо, – пробурчал он, вытирая слезы – Спасибо...

– Ну, все, теперь беги на урок, он скоро начнется.

На последок он улыбнулся и от этого стало так тепло на сердце. Тогда я заметила в проходе Дэвида.

– Лали, пошли.

Он облокотился о дверной проем, скрестив руки на груди и даже не думал помешать этой гнусной Крысалоновой. Видно стоит он тут давно. Так что наверняка слышал наш разговор от начала до конца и видел, то, что она сделала. Это ведь ужасно, поступать так с маленьким мальчиком!

А он просто молча смотрит на это и даже нечего не делает. Кажется, Лали запугала здесь всех. Наши взгляды встретились и я уверена, что он прочитал в моих недовольство и разочарование. Дэвид резко отвёл взгляд с непривычной холодностью.

Рядом с Лали он становился совсем другим человеком, и я уже не понимала, кто из них настоящий?

– Иду, любимый – нарочно бросает блондинка и ухмыляется в мою сторону.

Любимый? Что это значит? Они пара?

Я искривляю брови в непонимании, но затем вижу, как они берутся за руки и все сомнения вдруг улечиваются. Ну, что ж, два сапога пара. Одна обижает слабых, другой молча смотрит. Они стоят друг друга. В классе я обнаружила, что Дэвид и Лали сидят по отдельности. Явно не похоже на пару. Может, она специально так сказала? Золотов редко разговаривал с ней, и чаще всего это было что-то банальное и короткое. Со стороны создавалось впечатление, что она ему не интересна.

За окном уже темнело. Я осталась на дополнительные уроки и только освободилась. Все разбежались по домам. Начался сильный дождь, я уже представила, как промокну до ниточки. Забрала сумку, надев куртку, закинула капюшон и вышла в коридор. Школа была пуста, лишь уборщица в конце коридора, которая мыла полы.

Набираюсь духа и подхожу к входной двери.

– Ты еще тут? – опять этот голос, злюсь и резко поворачиваюсь.

Он что специально ждет, пока все разойдутся?

И вообще, что он делает здесь допоздна. Сомневаюсь, что учит химию. Мало верится, что у этого ненормального, есть такие пристрастия. Что-то здесь не чисто. Испепеляю его взглядом, хотя по факту такой цели у меня нет, но из опыта знаю, что скрывать эмоции это не мое. Если я действительно зла на кого-то, то не смогу мило улыбаться и делать вид, что все окей.

– Ну, хватит так смотреть. Мне жутко от твоего взгляда – шепчет он, и я чувствую, что его действительно это напрягает.

Не собираюсь тратить на него время и прохожу мимо. Почему же он никак не отстанет? Вечно цепляется ко мне. Оборачиваюсь спиной и уже подхожу к выходу.

– Ты, правда, считаешь меня монстром? – его голос дрогнул с той же искренностью, как в тот вечер под полной луной.

Застываю на месте. Взгляд блуждает, и я не понимаю, почему его это так беспокоит. Не решаюсь обернуться, но мне интересно. Почему? Не понимаю. Встречаюсь с его серыми, как туман глазами и замираю. В голове вновь звучит вопрос. Меняюсь в лице и вспоминаю, то, как он промолчал, увидев несправедливость.

– Тебе не было жалко того мальчика? Сердце не дрогнуло? Даже на секундочку?

Дэв поник, взгляд блуждал, и мне показалось, что ему было жаль. Но почему тогда он позволяет Лали так поступать?

– Я вас не понимаю, что за понятия такие? Разве это круто обижать слабых? – я затихла – Когда ты спас меня в тот день, то я сразу увидела в тебе доброту. Ты не прошел мимо, как сделал бы другой. Но сейчас... Я запуталась, не могу понять какой ты на самом деле.

– Тебе меня не понять. Ты не все знаешь, совсем не все...

– Ты прав, мне никогда тебя не понять – кинула я и, наконец, приблизилась к выходу.

Внутри было что-то странное. Это неправильно. Мы наедине. Я так спокойно разговариваю, будто всегда делала это. Разве не совсем недавно я краснела при виде парней? Что случилось? Откуда эта уверенность и спокойствие. Боже, что я творю!

– Я докажу, что не такой ужасный. Вот увидишь.

Он зашел слишком далеко. Слишком...

Дэвид Золотов

Сумасшедшая стала уходить. Шаг за шагом ее силуэт стирался. Я застыл на месте. В душе зарождалось что-то внушительное. Мне действительно хотелось доказать ей. Все видят обложку, то какой я снаружи. Уверенный, харизматичный парень, король школы, кумир большинства девушек, но то, что скрывается внутри. Никому не интересно... Почти никому.

Хрустальная шкатулка была другой. Она будто совсем не замечала мою обложку. Ее интересовало что-то более глубокое. То, что скрывается за маской. Это слишком странно. Обычно при виде меня девушки сразу же начинают меня идеализировать. Буквально все, что связано со мной. Я так устал от этой фальши, а в ней словно было, то, что я так долго не мог найти – искренность.

Дождь бил в окно.

Так и знал, хорошо, что захватил с собой зонт. Неторопливой походкой я вышел за порог. Капли стали падать на мои черные волосы, и я тут же раскрыл зонт. Впереди шла сумасшедшая. Она подняла сумку над головой, пытаясь укрыться.

– Стой! – кинул я и тут же оказался рядом. – Возьми – протягиваю свой расписанный фиолетовым баллончиком зонт.

На этот раз хрустальная шкатулка не стала отнекиваться, лишь молча кивнула и прошептала:

– Я верну.

– Как прошел день? – выглядывает мама в коридор.

Рамина хлопает дверью и начинает разуваться. Из кухни исходит аромат булочек с корицей и наваристого борща. Каштановые волосы мамы собраны в пышный пучок, а на талии повязан фартук.

– Пойдет – улыбается Рамина, чтобы скрыть тревогу.

– Откуда зонт? – Это мне помогли, завтра нужно будет отдать.

Голова трещит.

Эдиева идет в ванную, моет руки, а затем снимает хиджаб. Из-за него выглядывают волнистые, густые волосы каштанового цвета с золотистым блеском. Рамина рассматривает себя в отражении и понимает, как устала. В душе что-то было. Страх или даже волнение. Будто гредет что-то страшное, чего стоило опасаться.

За столом она не проронила ни слова. Все думала о той фразе Дэвида:

«– Я докажу, что не такой ужасный! Вот увидишь».

Докажет, но зачем? Что будет, если он окажется ни таким плохим, как ей рассказывали? Это волновало ее больше всего. Гораздо больше, чем мысли о том, что ее вновь начнут оскорблять за веру.

«– Пожалуй, мое упрямство он принял, как вызов...»

Глава 6

«Порой помощь приходит оттуда, откуда ты даже не ожидал, и это самое лучшее чувство»

Рамина Эдиева

– Итак, ребята, хочу представить вам нашего нового ученика по обмену из Белоруссии – Адама Чернышева.

Эта новость испортила мою спокойную жизнь.

Новенький стал постоянно крутиться возле меня. Пытался вывести меня на диалог, проявить знаки внимания. Я ощущала на себе пристальный взгляд Дэвида, он будто выжидал момент, чтобы напасть. Его хруст пальцев настораживал.

Я просто молилась, чтобы не разгорелась драка.

На перемене девчонки стали клеиться к нему. Внимание с Дэвида вмиг перешло на Адама. Он был вполне симпатичным парнем с кудрявыми волосами и карими глазами, высокий, прямая осанка, а на вид спокойный и вежливый. Но не думаю, что он сможет затмить ненормального. Ира и Кира стали хохотать на уроке.

На замечания учительницы они внимания не обращали, и тогда послышалось это:

– Пересаживаемся. Ира сядет с Максом, Лали с Дэвидом, Рамина с Адамом... – она еще продолжала говорить, но остальные фразы звучали, будто в тумане.

Лали это было на руку. Она хихикала, разговаривая с луноликим, но тому было явно не до нее. А я сидела в ужасе, ведь уже представила что будет.

Но, слава Богу, прозвучал звонок на перемену.

Мы с Аней удалились на задний двор и стали хомячить мини пиццы. Чувствую, за этот год потолстею на килограмм десять.

– Блин, этот новенький такой милый. Как бы мне заговорить с ним. Ты же не против, если я сяду за твою парту? Уступишь мне место?

– Конечно. Я буду только рада, ибо устала ловить на себе недовольные взгляды. Кажется, на этого парня нацелились все.

– Поверь, они не смогут отбить его у меня.

– Аха-ха, я в тебе не сомневаюсь.

Вся эта школьная любовь, меня совсем не интересовала, я думала, как бы мне не пропустить намаз. Осталось пятнадцать минут.

О нет!

Смотрю по сторонам. У меня было пару вариантов, где можно помолиться. В тени дерева, на обозрении всех, в каком-нибудь классе, но не факт что туда никто не пойдет или же закрыться в туалете. Ммм, какой хороший выбор! Хотя есть ещё одна идея, комната с надписью "кладовка". Наверняка туда редко кто заходит.

– Анютка, мне нужно отлучиться на минут десять, сможешь отмазать меня перед учителем?

– Без проблем. Все в порядке? Если вдруг нежданные месячные, то у меня в сумке есть прокладки.

– Нет-нет, дело не в этом, но спасибо за заботу – чмокаю ее в щеку и уматываю в школу.

На мгновение я даже обрадовалась, что у меня не эти дни, так как в момент их нельзя молиться. А я жутко это не люблю. Каждый раз накатывает тревога, когда вовремя не совершаю намаз. Самое обидное бывает, когда начинается пост в месяц Рамадан и тут они. Кстати во время месячных мусульманкам так же нельзя держать пост и это не из-за того, что они становятся нечистыми.

Как раз, наоборот, в Коране суре второй, аяте двести двадцать втором написано: «Воистину, Аллах любит кающихся и любит очищающихся».

Вырвала из контекста, но запомнила только это. Знаю, что выше говорится о менструации, так что могу с уверенностью сказать, что эти слова относятся к ней. А запрет молиться и поститься в эти дни, связан с мудростью Великого, так как месячные причиняют страдания, а это в свою очередь облегчение.

Захожу в кладовку. В углу сложены деревянные швабры, веники, совки, какие-то тряпки и химия. Нахожу более менее чистую ткань и стелю ее на пол вместо привычного намазного коврика. Делаю глубокий вдох, радуясь, что у меня есть омовение и, наконец, возвожу руки к груди со словами:

– Аллаху Акбар – что в переводе с арабского означает «Господь Велик».

Складываю руки на сердце. Правую поверх левой и начинаю читать молитву. Затем дохожу до суры аль-Фатиха, тихо, почти шепча, произношу:

– Бисмилляхир-Рахманир-Рахим. Альхамдулиллахи Раббийль-Аалямин. Ар-Рахманир-Рахим. Малики Яумид-Дин. Ийяка на'буду ва ийяка настаин. Ихдинас-Сыраталь-Мустахим. Сыраталь-лязина ан'амта алейхим, гайриль магдуби алейхим валяд-дооллин. Амин.

Переводится так:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Хвала Аллаху, Господу миров, Милостивому, Милосердному, Властелину Дня воздаяния! Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи. Веди нас прямым путем, путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших.»

По телу распределилось тепло. Я медленно выполняла земные и поясные поклоны. В потоке я даже не заметила, что повысила голос и стала говорить более громко. Мысли поглощали со всех сторон, но когда совершаю намаз, то чувствую, как камень с плеч падает и трескается о землю.

Затем молитва подходила к концу. Я уже сидела на коврике и стала поворачивать голову сначала в правую сторону, а затем в левую, говоря:

– Ассаламу алейкум ва рахматуЛлах – в переводе с арабского "мир вам, милость и благословение Аллаха".

В детстве я всегда задумывалась, для чего мы говорим это в конце? Ведь в исламе этими словами приветствуют и прощаются, но в молитве к кому они могут быть обращены?

Дома у меня был небольшой шкафчик, забитый книгами и среди них был свод достоверных хадисов – историй переданных сподвижниками от пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Там я прочитала, что на обоих плечах у нас сидят ангелы – Ракиб и 'Атид.

Они записывают наши деяния, как хорошие, так и плохие. Ранее я думала, что на левом плече сидит не ангел, а дьяволёнок с рожками, который нашёптывает делать злые поступки, а на правом тот, что именован ангелом с белыми махровыми крыльями и науцает нас на благие дела. Но как оказалось позже это не так.

Но знали ли вы, что ангел Атид, записывает наши грехи не сразу?

Прежде он ждет 6-7 часов, пока человек не покается перед Создателем и только потом записывает, если тот не одумается, а если же попросит прощения, то грех не записывается, словно его никогда не было. Запись начинает вестись с полового созревания, когда выполнение религиозных предписаний становится обязательным.

Только вдумайтесь в это!

Прямо сейчас ведется книга вашей жизни, в которой записывается каждый ваш поступок. Это не выдумки, а то, что происходит на самом деле. И как же прекрасно будет увидеть свою книгу деяний переполненную добрыми делами.

– Ассаламу алейкум ва рахматуЛлах – вновь повторила я, поворачивая голову на левое плечо.

Так вот эти слова мы говорим ангелам, сидящим на наших плечах. Наводим на них благословение и обозначаем о том, что закончили молиться. Внезапно ощущаю на себе чей-то пристальный взгляд. Я даже не заметила, как дверь открылась.

На пороге стоял Дэв. Как он узнал, где я? Неужели он стоит здесь с самого начала? От этой мысли стало не по себе. Видно он не шутил когда говорил, что является сталкером. На его лице виднелось удивление или даже изумление. Я поднялась с пола и стала отряхивать подол платья.

– Что это? – голос Дэви звучал не уверенно, но ему явно было любопытно.

– Молитва. – бросаю, смотря по сторонам, чтобы понять не начался ли урок.

– На каком это языке?

– Арабском. – Без лишних подробностей бормочу под нос.

– Ты знаешь арабский?

– Нет, просто выучила пару сур, вот и все.

– Ты так красиво читаешь – ухмыльнулся Дэвид. Кажется, я покраснела. Мне ещё никто не делал таких комплиментов. Было крайне неловко, я еле сдерживала улыбку, но все же краешек губы приподнялся.

– Спасибо... Урок еще не начался? – перевожу тему, чтобы не потерять отважный дух.

– Не знаю.

– Ты разве не был с классом?

– Нет, я думал, как бы начистить морду этому сопляку Адаму.

– Ха, переживаешь, что все внимание досталось другому?

– Если бы – кинул он загадочно и отошел с прохода, давая мне пройти.

Мы направились в класс. Там уже во всю шел урок. Интересно было только историчке, остальные гуляли глазами, рассматривая кабинет, и делали оригами. Будто идет мастер класс по технологии, а не рассказ об отважных правителях России.

Я шагнула на порог, Дэвид медленно ступал сзади и ещё даже не успел войти в поворот. Внимание перешло на меня.

– Эдиева, только второй день, а ты уже опаздываешь? Теперь можешь даже не заходить. Посмотрим, какие у тебя оценки будут в конце четверти, если вообще доучишься до этого времени.

Она отчитывала меня без стеснений, вообще отлично, просто шикарно! Где этот ненормальный? Интересно, скажут ли ему хоть слово, он ведь сын спонсора школы. Оборачиваюсь назад, и тут же рядом возникает Дэвид. Какой же он высокий! Прямо бесит. Чувствую себя первоклашкой, как обидно. Скрещиваю руки на уголки и угрюмо надуваю губы.

– Ольга Владимировна, Рамина не виновата – слава Богу, по имени назвал, я уж думала, забыл – Это я ее задержал.

Задержал ее? А что мы могли с тобою делать?

Господи, какое позорище. Можно провалиться под землю? Я буду очень благодарна. Валлахи нечего более неловкого со мной не происходило. Смотрю на Лали, она уже пыхтит от злости. Ну все, бай-бай мои беззаботные деньки. Прямо чувствую, как обстановка наколяется. Одноклассники начинают шептаться. Эй, вы меня уже начинаете раздражать.

Да, вы достали! Что других тем для разговоров нет?

Аня хихикает, накручивая на палец свои ярко-рыжие волосы. Николас ухмыляется и закатывает глаза, облокотившись о спинку стула. Ведут себя так будто что-то знают. Смотрю на ненормального, и хочется тут же стукнуть его по голове. Какая же тупость! Почему именно эта школа? А может отчислиться? О, да-да, лучше сделать так чтобы меня отчислили, тогда уж точно заживу! Зачем я вообще в одиннадцатый класс пошла? Только из-за перфекционизма или слов мамы «никогда не сдавайся, позорься до конца».

Да, позориться я умею, как-раз этим навыком и блесну на ЕГЭ.

– Я помогала ему с домашкой! – выкрикиваю громче, чем ожидала и это звучит, как неудачная попытка отмазаться.

Рамина какая еще домашка? Разве этот ненормальный похож на прилежного ученика, которого заботят оценки? Дэв усмехается над моей реакцией и румянцем на щеках. Он специально так делает? Вот я ему устрою! Поднялся гул из смеха и бурных обсуждений. Этому ужасу положил конец твердый голос Дэви.

– Так, успокойтесь. Она реально с домашкой помогала. Неужели раз в сто лет я не могу взяться за ум? Займитесь своими делами, и хватит шептаться, вы напоминаете мне назойливых мух. Слетаетесь на всякое...

– Все Дэвид спасибо за речь – вовремя остановила его историчка от ненужных подробностей.

Ну, сравнил, конечно! Закатываю глаза где-то глубоко в своем сознании. На самом же деле я не могла нормально вздохнуть. Казалось, что все лицо горит, и от этого становилось еще стыдней.

– Все нормально – шепчет Дэв и кажется его никто не слышит за вопиющим голосом учительницы.

Она только что узнала, что до конца урока осталось десять минут, а она даже половины информации не выдала. Вот же досада. А нам только на руку. Честно, история это не мое. Я всегда проваливала, экзамены, все из-за того, что у меня сложно с цифрами и по датам не ориентируюсь. Слова луноликого кажется, внушили им доверие, и одноклассники переключились на телефоны.

Я выдохнула, начинаю идти к своему месту и вспоминаю, что разрешила Аняте занять его. Адам даже не смотрел в мою сторону. Они мило беседовали с рыжеволосой и это успокаивало. Нахожу свободную парту в конце кабинета и усаживаюсь.

Наблюдаю за Золотовым. Он не спеша, идет вперед. Лали была уверена, что он сядет с ней, и уже готовила скандальную речь, как внезапно этот ненормальный приземлился рядом со мной.

– Дэви-ииид! – протягиваю, с горечью в голосе.

Он явно намерен меня добить. Это очень плохая идея. Очее-еень! Таким образом, он подписывает мне смертный приговор.

Глава 7

«Возможно все то, что как тебе казалось, топило тебя – на самом деле, учило плавать»

Дэвид Золотов

Я бы мог сесть с Лали, но ее недовольная мина нисколько не радовала. Я понимал, что подставляю сумасшедшую, но на то она и сумасшедшая. Бросила мне вызов, теперь пусть терпит. Не знаю, откуда во мне столько смелости, чтобы идти против Лали, но чувствую себя шикарно.

Я был зол на нее, на родителей, да вообще на весь мир, но в первую очередь на себя! Потому что позволил заманить себя в эту ловушку. И каким же глупым я был в детстве, считая нашу дружбу искренней. Спустя года границы стирались и Лали не замечала их, а самое главное их не видел я.

Для меня было в порядке вещей, когда она непристойно подкалывала меня при всех, отвесила мне пощечину за то, что не писал ей неделю и таких случаев уйма. Голова кипела от количества воспоминаний. Почему раньше я не замечал этого? Я был ослеплён этой фальшивой любовью и чувством долга перед родителями. Когда я стал осознавать это мое отношение к ней стало отстраненным и я уверен, что Лали это ощущала.

Вспоминаю вчерашний разговор с родителями:

«Мы обедали, горничные метались из стороны в сторону, выполняя прихоти отца. Мама, Елена Золотова разглядывала содержимое тарелки, кажется устав от гнетущей атмосферы между мужем и сыном. Она старалась защитить меня перед отцом, но это происходило крайне редко. В основном она поддерживала мужа.

Они никогда не участвовали в моей жизни. Хотя вру, все, что касалось материальных благ, то их всегда хватало. Безлимитная карта на карманные расходы, коллекции часов и бредовой одежды, машина лимитированной коллекции, квартира в центре Питера.

Все что хочешь!

Для этого они работали, ни покладая рук. Нет, правда я им благодарен, но этого ли я делал на самом деле? Богатство, популярность?

Нет, абсолютно нет.

Мне бы хватило жизни в маленьком домике, иметь деньги от зарплаты до зарплаты, необходимые продукты питания и при этом видеть, что родителям интересно, то, что у меня на душе. Любая попытка поделиться чем-то искренним заканчивалась скандалом и очередной лекцией нравучений. Я старался сблизиться, но они не давали. Всегда держали меня в узде. Пропадали в офисе. Когда я умолял пойти с ним, то встречался с гневным взглядом отца, и этого было достаточно, чтобы я заткнулся и не высовывался.

Лали же всегда была в центре внимания. Олег жутко ее любит и ради нее готов на все. Он брал ее с собой в офис, там она резвилась от души и ей не говорили ни слова. Однажды я стал свидетелем этой картины и тогда на душе появился осадок. Родители с любовью и теплом относились к Лали, будто это она их кровинушка, а не я. Отец, Роберт Золотов уставился на меня. Я только заметил его взгляд на себе. Он был разочарован, крайне разочарован. Не удивительно, ведь для этого не нужно что-то сделать, это его привычное выражение лица.

– Мне не понравилось то, как ты повел себя с Лали на вчерашней встрече. Что за взгляд? Неужели нельзя было хотя бы раз взяться за руки! – цедил отец.

– Я говорил, что не люблю показывать свои чувства на людях. – Не смей все испортить! Если ты вздумал расстаться с Лали или обидел ее, то не рассчитывай, что я тебя пожалею.

– Такое ощущение, будто она ваша родная дочь. Неужели не имеет значения, то, что чувствую я?

– Не имеет! – кинул отец, и я подскочил из-за стола.

– Я не голоден – шепчу, чтобы не сорваться и покидаю зал.

Иду в комнату. Сжимаю кулак, внутри пожар, как же я устал! Моя жизнь сплошное лицемерие. Ты должен вечно строить маски, делать вид, что все хорошо и не важно, что внутри чувствуешь себя паршиво. Порой думаю, а как сложила наша жизнь, если бы не было бы бизнеса?

И мне кажется, что мы были бы счастливы».

Запрокидываю голову и глубоко вздыхаю, вспоминаю, где нахожусь. Историчка маячит перед доской, одноклассники ржут над видосами, Лали испепеляет меня взглядом, Николас усмехается. Перевожу взгляд на сумасшедшую. Она чертит в тетради спирали, видно успокаивается таким образом.

– Тебя так легко засмущать – ухмыляюсь и вытягиваю руки вперед, растягиваясь, все тело ноет.

– Меня? Нее-еет – отнекивается хрустальная шкатулка и тут же отводит взгляд.

– Таким образом, советский союз распался в 1991 году – заканчивала речь историчка, и тут же прозвенел звонок.

Обернувшись к классу, она обнаружила, что ее никто не слушал. Одноклассники подскочили и стали резко собирать все в рюкзаки и уматывать в закат. Последний урок на сегодня подошёл к концу.

– Дэвии, идешь? – ударил чей-то писклявый и неприятный для меня голос. Я встаю с неохотой и берусь за протянутую руку Лали. Она с высоко поднятой головой идёт дальше. Ловлю взглядом силуэт сумасшедшей и кажется, она выдыхает с облегчением.

Да уж, я знатно напортачил.

Теперь лишь бы Лали не стала ее доставать. Ибо тогда я окажусь между двух огней: яркого и нестабильного и сильного и напористого.

Выхожу из кабинета, где нас не видят чужие глаза и отчеканиваю:

– Все хватит. Здесь никого нет – и отбросил ее руку. – Ты достал! Что за холод? Ты мне изменяешь? – Лали встала в стойку, готовясь втащить.

Ну что ж, пусть попробует. На этот раз я не позволю этому случиться. Она замахивается, и я тут же удерживаю руку, оставляя красные пятна на ее запястье.

– Ты переходишь все границы – скалюсь и вижу, то, как она опешила.

– Что случилось? Раньше ты не был таким – она отстраняется, явно понимая, что теряет власть надо мной.

Не желаю, больше здесь находится и иду вперед, на что слышу недовольный вздох. А через секунду шуршание и идущие гудки звонка. Закатываю глаза и еле сдерживаюсь, чтобы не порвать с ней. Я крепко сжимаю кулаки и оборачиваюсь. Лали демонстративно показывает мне экран, на котором написано "папочка" и три сердечка. Видя мою реакцию, она сбрасывает, но продолжает ухмыляться.

– Поехали, заедем в ювелирный. Мне совсем нечего носить. Лали даже не думает дождаться моего подтверждения и проходит мимо, развивая свои идеально прямые, блондинистые волосы. Вынужденно иду вперед. Оказываюсь у выхода, а Лали ждет, пока я открою и пропущу ее, но у меня не было никакого желания с ней любезничать.

Особенно когда никто не видит. Блондинка фыркает и с трудом открывает тяжелую железную дверь, демонстративно закрывая не передо мной.

– Разве позавчера мы не покупали тебе бриллиантовый комплект? – бурчу, поправляя воротник пиджака.

– Позавчера? Ты что шутишь? Все знают, что я не ношу дважды в три месяца одно и тоже украшение.

Кто бы сомневался.

Еще мне говорят, что я избалован. Да уж. Оставляю тему и, продолжая идти вперед, достаю из кармана телефон. Захожу в мессенджер пять тысяч восемьсот девяносто не просмотренных сообщений. Никак не могу набраться сил, чтобы прочитать их все. Да и большая часть это фанатки с приставучими сообщениями по типу:

«Давай встречаться?»

«Это официальный аккаунт Дэвида Золотого?»

«Я твоя поклонница, я отправила в офис твоих родителей подарок, забери, пожалуйста, это очень важно»

«Мы можем встретиться? Я твоя давняя знакомая – Лера, помнишь меня?»

И таких куча.

В закрепленном висит чат с Лали, ибо не ответить ей, равно самоубийство. Но сейчас я был слишком зол на нее, поэтому удалил из закрепа. Зашёл в поисковик и стал набирать «Рамина Эдиева». Вышел аккаунт без единой фотографий и даже без аватарки. Нет, он не приватный, просто она, вероятно сама забыла про существование этого аккаунта.

Захожу на страницу к Лали. Миллионы фотографий и видео. Селфи с надутыми губами и липсинги без знания слов. Она просто открывала рот и делала, видя, что знает о чем поется. – Ты долго будешь так стоять? Может, уже поедем? Голос блондинки отвлекает, и я поднимаю голову. Уже стою у машины, вижу царяпину на добром стекле.

– Что это? – прохожусь по рельефу.

– Откуда я знаю, садись уже, я итак опаздываю.

Прыгаю на переднее и завожу свой электро кар. Открываю потолок и мчу вперед. Ставлю музыку на всю громкость, не желая слышать нытье Лали. Через двадцать минут мы уже были на месте. Припарковываюсь и закуриваю. Дым ударяет в нос, нервно стучу ногой по асфальту, облокотившись о машину.

– Ты не идешь?

– Нет.

– Ты уверен, что НЕ ХОЧЕШЬ ПОЙТИ?

– Ты издеваешься? Что мне там делать? – встречаюсь с ее грозным взглядом, снова угрожает.

– Дай хотя бы докурю.

– У тебя три минуты – открывает дверь в ювелирный и ускользает из поля видимости.

Вижу впереди толпу молодых девушек, которые явно идут ко мне и мигом тушу сигарету и кидаю окурок в мусорный бак. Закрываю машину, но времени отпустить крышу нет, и поэтому уматываю в магазин. Панорамные окна как раз не стати. Поворачиваюсь спиной к выходу, не желая вновь отбиваться от фанатом.

Иногда думаю, что они во мне нашли?

Ну, красивый, богатый, умный, харизматичный, лицо бренда одежды, самая популярная личность во всем Питере, попал в книгу «Форбс» в восемнадцать, как самый состоятельный юноша.

Хотя... Я и не так уж и плох.

Ухмыляюсь, может надменно, но это правда.

Не пойму почему до сих пор вожусь с Лали. Просто в голове не укладывается. Хотя нас называют красивой парой, а нашу любовь самой искренней. Из-за подобного статуса я хорошо поднялся, да и интерес к нашему бренду возрос. Вокруг вечно ходят интриги и расследования

по поводу моей личной жизни. Именно поэтому папа так переживает, что мы расстанемся. Да и к тому же модельное агентство Олега является ведущей компанией, которая работает во всем мире.

На днях состоялся модный показ во Франции. Модели от Крысалонава, бренд наш. Конечно, все это не за спасибо делается.

В этой сфере крутятся большие деньги.

Однако прорваться на международный рынок не легкая задача и для этого нужны связи. Пока мы еще не успели укрепиться с иностранными партнёрами, поэтому Олег является связующим звеном. Без него мы пропадем и не о каких зарубежных контрактах можно и не мечтать.

Родители слишком долго шли к этому, чтобы так быстро потерять.

– Как тебе эти серьги? – вырывает из фантазий голос Лали.

Оборачиваюсь назад, перед входом столпились те девушки. Узнаю одну из них, это та самая фанатка, которая приходила к школе с просьбой сфоткаться. Та на футболке, которой было распечатано мое лицо. Внимательно всматриваюсь и понимаю, что теперь у всех такие же.

Смотрю на охранника, что стоит у входа и складываю руки, умоляя не выпускать их.

Тот понял все без слов и постарался прогнать. На мгновение они пропали из поля видимости, но сомневаюсь что надолго. Наверняка поджидают где-то за поворотом.

– Дэви-ии, ты слышишь?

– Что?

– Я говорю, как тебе? Мне идет?

Честно говоря, все те украшения, что она, когда-либо покупала, казались мне абсолютно одинаковыми. За редким исключением было что-то вроде как другое. Я смотрел и думал, ну серебро, золото: белое, красное. Вообще не отличаю, только цвета.

– Красивые – коротко бросаю, но не словно и не волновало мое мнение.

Ей уже понравились эти серьги, и она по любому купила бы их. А вопрос, чисто для формальности. Я давно усвоил это и всегда говорил, что ей идет.

– Да, беру их – улыбалась Лали, но меня это не трогало – Упакуйте. Золотов, оплати – кидает и пытается сесть в машину, но обнаруживает что там закрыто.

Достаю из кармана ключ и открываю дверь. Затем высовываю из сумки картхолдер и прикладываю свою безлимитную карточку на терминал. Пик и деньги списались.

– Спасибо за покупку – произносит мужчина в пиджаке и протягивает мне небольшой пакет с украшением.

– Благодарю.

Уже собираюсь уходить, как вдруг замечаю блестящую хрустальную шкатулку, внутри которой лежал кулон. Сразу же вспоминаю сумасшедшую, и на лице вдруг всплывает искренняя улыбка. Странное чувство, впервые на душе так хорошо, при мыслях о ком-то. Ни тревога, как с родителями, ни отвращение, как с Лали, а что-то другое.

Будто в сердце нечто екнуло.

– А покажите мне это ожерелье.

– Да, конечно, одну секунду.

Мужчина открыл ящик ключом, и вынул шкатулку, передав ее мне. Внутри лежала цепочка из белого золота, на конце сияла полная луна, а второй кулон был в виде острой луны, дополняя первый. А затем, прислонив его ближе, я заметил камень, внутри которого был некий прожектор с фразой «я тебя люблю» на всех языках мира.

– Я беру его.

Мужчина обрадовался, видно они давно не могли продать этот набор. Словно с самого начала он ждал того самого покупателя. Я пожилел. Приложил карту, дождался пока оплата дойдет и тут же сел в машину. В руке было два пакета. Один передал Лали, а другой положил на заднее сиденье.

– Что ты купил? – Это подарок для одного очень особенного человека.

– Аа, для мамы. Так бы и сказал. К чему эти загадки.

Я ухмыльнулся, но не стал подавать виду. Мне хотелось ускорить время, чтобы завтрашний день настал поскорей.

Там меня ждет нечто необычное, такое, что не ранит сердце и название этому явлению – хрустальная шкатулка...

Глава 8

«Дом – это не адрес. Это там, где ты можешь дышать свободно. Где твоё „я“ не растворяется в чужих „мы“»

Дэвид Золотов

Дождь барабанил по крыше лимузина, размывая огни ночного Питера в причудливую мозаику. Я смотрел на мелькающие за окном силуэты зданий и думал о том, как легко всё может разрушиться. В кармане пиджака лежал кулон – тот самый, с лунами и надписью «я тебя люблю» на всех языках. Он казался мне якорем в этом хаосе.

– Дэви, ты опять витаешь в облаках? – голос Лали прорвался сквозь шум дождя. – Отец ждёт нас через двадцать минут. Ты хоть помнишь, о чём речь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.